

**ГЛАВНЫЕ
СЛОВА**

Главные слова

Сборник

Главные слова. Том 2.
Сборник стихов и малой прозы

«Десятая Муза»

2019

УДК 82.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Сборник

Главные слова. Том 2. Сборник стихов и малой прозы /
Сборник — «Десятая Муза», 2019 — (Главные слова)

ISBN 978-5-907122-63-5

Нетематический сборник стихов и малой прозы современных авторов.

УДК 82.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907122-63-5

© Сборник, 2019
© Десятая Муза, 2019

Содержание

Виктор Анорский	6
«Всех пленяет свет...»	7
«Неугасим сей свет...»	8
«Любить ли всех...»	9
Оркестр	10
Дед (Вячеслав Чиркин)	12
По грибы с ночёвкой	13
Наталья Дёмина	15
К портрету А. С. Пушкина	16
Дары волхвов	17
Картина В. Перова «Тройка»	19
О чём Ромео и Джульетта	21
Картина Сурикова «Боярыня Морозова»	23
Картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели»	25
Картина Репина «Бурлаки на Волге»	26
Аравийское море	27
Картина Крамского «Неизвестная»	28
У каждого писателя свой путь...	29
Мой возраст	30
Григорий Дубровин	31
Смысл (акrostих)	32
Напоённый...	33
Женское...	34
Летучий голландец	35
Слово ангела	36
Ирина Ершова	37
Выбираю тебя	38
Мой любимый как наважденье	39
Новогодняя сказка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коллектив авторов
Главные слова. Том 2.
Сборник стихов и малой прозы

© Коллектив авторов, 2019

* * *

Виктор Анорский

г. Гагчина

«Всех пленяет свет...»

Всех пленяет свет –
вечный сюжет:
поутру заблистает,
и туман растает, –
но душа...
Она всегда свежа.
Для неё –
 свет иной
 шалевой
и чистый
 как эти страницы:
я к ним прикоснусь
с трепетом
(шёпотом) –
и унесусь
 в грусть.

«Неугасим сей свет...»

Неугасим сей свет,
неугасим.
Живу я с ним
уж столько лет!
Как ни дремуч
бывает небосвод,
туманен горизонт, –
но
 яркий луч
 вдруг полыхнёт,
 блеснёт, –
нальётся плод
и всё наоборот
 вернётся
 к Солнцу.

«Любить ли всех...»

Любить ли всех?
В том нет нужды;
совсем не грех,
и пусть следы
случайной страсти
не будут властны, –
вот опасность,
что держит крепко
в лапах цепких
былую память,
где кругами
уж разошлись
судьба
и жизнь.

Лишь теплится мольба:
о, дерево желаний!
Ты мне помоги
вернуться на круги
своя
(где останусь я),
избегнув покаяний.

Оркестр

Сыгранное на флейте –
На арфе звучит иначе.
Слушаете и плачете?
Вы так сыграть сумеете!

Возьмите в руки гитару,
Волной пробегитесь по струнам!
Всяк –
 молодой или старый –
Взволнуется в мире подлунном.

Где они –
 чувства ваши?
Троньте участливо клавиши:
Душа внезапно проснётся,
Услышав мотив, востепенётся;
Бетховен?
 Шопен?
 Шуман?
 Лист?
Неистов и строг пианист.

Возьмите же в руки скрипку!
Она заволнуется зыбко,
И чудом неожиданным нахлынет
Вивальди, за ним –
 Паганини.

На очереди –
 трубачи.
О них мы никак не смолчим!
И среди них первый тон
Опять задаёт саксофон.
Конкуренцию саксофону
Составят тромбон и валторна,
Кларнет, и гобой, и фагот:
Чья-то в итоге возьмёт?

Не забудем виолончель:
У неё –
 своя акварель!
Уж не дремлет ли контрабас?
Подзадорь-ка сегодня нас!

Тут для ритма нужны ударные.

Что застыли высокопарно?
Веселей, барабаны-тарелочки!
Не размениваемся на мелочи!

...Наш оркестр такой был –
и есть.
Пусть звенит вечной жизни песнь!

Дед (Вячеслав Чиркин)

г. Котлас

По грибы с ночёвкой

Утром, когда Еля проснулась, во дворе на лавочке уже стояла полная корзина с грибами. Дедушка принёс внучке чуть ли не все виды грибов, которые растут в богатом северном лесу. Тут были: бледно-красноватые рыжики, разноцветные сыроежки, мокрые и боровые путники, несколько беломраморных груздей, мохноголовые волнушки, плоские блинчики желтоватых моховичков-иванчиков, упругие ребристые лисички, липкие маслята, мягкотелые подберёзовики. Особенно в корзине выделялись молочно-белые ножки с алыми шапочками – грибы-красноголовики. В самом уголке скромно притаились три крутобоких боровика.

После завтрака бабушка с внучкой принялись за переборку грибов, а дедушка молча сидел на своем любимом чурбане. Он, видно, устал. Бабушка его не трогала, а внучка спросила:

– Деда, а что, белые грибы не растут?

– Растут.

– А почему ты мало принёс?

– Потому, что их все любят.

– А ты нет, да?

– И я люблю, только теперь на один белый гриб десять любителей из города с корзинами наезжают. Вот мне и не достаётся, – в сердцах ответил он, потом улыбнулся и добавил: – А с ночёвкой меня бабушка не отпускает...

– Разве грибы ночью собирают? – удивилась Еля.

– Конечно! Один раз, когда я был в лесу с ночёвкой, привёз целую корзину боровиков. Взял я тогда с собой в лес фонарик, собаку, веревку.

– А верёвку зачем? Корзину привязывать?

– Ты слушай, не перебивай. Где растут белые грибы, я знаю. Приехал. Привязал собаку, чтобы со страху домой не удрала, а меня от волков охраняла. Натянул меж деревьев верёвку, чтобы в темноте не заблудиться и в овраг не свалиться. Завёл будильник и лёг под густую-прегустую ёлку, чтобы ночной дождик не смочил и медведь косолапый мне на ногу не наступил. Начало темнеть.

Спать летом в лесу – чудная благодать! Воздух густой, вкусный. А пахнет... Будто рядом черничное варенье варят. Или брусничный чай заваривают. Дышишь – не насытишься! Сбоку от тёплой ёлки смолкой остро пахнет. Вверху сучком кто-то потрескивает. Шишка-пустышка с места сорвалась и начала головой по сучкам биться-стучаться, вниз падать. И прямо у меня в головах улеглась-успокоилась. Потом примолкло все между ночью и днём. А тишину лесную, словно музыку родную, без конца можно слушать. Лежу я, в небо гляжу.

В небе месяц тихонечко от облачка к облачку переплывает, их изнутри светом серебряным наполняет. Звездочки-скромницы с месяцем в прятки-мигалки играют, мне озорно подмаргивают, сны интересные обещают: про мишку-ворчуна, про зайку-скакуна, про ворона-птицу, про рыжую лисицу.

Мышки-травушки под боком шуршат-пищат-перепискиваются, про свои мышинные новости рассказывают: как от ежа удрали, кого замуж отдали, что смешного видали. Потом играть-бегать стали, друг дружку искать-догонять. Одна, самая смелая, мне на грудь заскочила, глазами-капельками поблёскивает, ушками-игрушками пошевеливает, хвостиком-вопросиком подёргивает, головкой серенькой покачивает и у подружек-пискушек спрашивает: «Что за пень-великан в лесу появился, под ёлкой развалился?»

Я её тихонечко за хвостик цап-царап! Поднял, а она в воздухе ножками сучит, сердечком от страха стучит и мне пищит: «Пи-пи-пи! Великан, отпусти!» Посмеялся я и опустил её на мох, пусть живёт-бегает. В лесу – не в дому, мыши большого вреда не делают.

Слышу, ёжик по муравьиной тропке когтистыми ножками топ-топ, будто крупный дождик по крыше застучал. Это он на промысел вышел: грибов поискать, мышей попугать. Меня почуял, расфуфыркался, рассердился и убежал. Не захотел ближе знакомиться, трусишка.

Если тихо лежать, много интересного в лесу можно увидеть и услышать.

Как зайчик из-под кустика вылезет, на лапки привстанет, вокруг оглянется, зевнёт-потянется. И пошёл гулять, травки вкусные искать! За ночь всё обежит: подруг проведает, на полянке пообедает, у ручья ивку погрызёт, родниковой водички попьёт и снова в лес удерёт, чтобы с друзьями встретиться, после сна проветриться.

Как толстый филин из дупла выбирается, на месяц выпучивается, глазищи протирает, перья расправляет, мышей караулит-промышляет. Если заяц мимо побежит, он ему прокричит: «Угу-гу! Встретимся на лугу-у-у!» Да заяк не простак, не поймает просто так. Он по лугу стрелой промчится, чтобы в когтях не очутиться.

Мама-белочка в глубоком гнезде на дуплистой сосне от крика проснётся, на бочок повернётся, плотней к деткам прижмётся. В домике у них тепло, сухо, постелька из пуха, сверху дождик не мочит, снизу сверчок песню стрекочет.

В сумерках и лиса-краса зелены глаза из норы высунется, наверх выкинется, нюхалкой понюхает, слухалками послушает, хвостом след заметёт, на охоту пойдёт: мышей, пташек ловить, чтобы лисят накормить.

И вёрткой кунице ночами не спится. Начинает она по деревьям шнырять, спящих белок искать. Только белки не глупы, прячутся в дупла, а туда лаз узОк, не просунешь носОк.

Тут надо мной ветерок пробежал: ёлки-сосны пересчитал, мхи да травы пригладил, кустики расправил, тучки-облачка поправил. Потом к осинке-сиротинке подбежал, что-то на ухо ей наказал. Трепетная осинка скромно улыбнулась, веточками закачала, листиками залепетала, мне сказку зашептала. Под неё я и задремал.

Грибы растут ночью, и очень быстро. Как мой будильник задрезжит, старая ель заскрипит, собака на цепи заскулит, волк под угором завоет – я быстренько встаю, обхожу с фонариком поляну и собираю грибы, которые успели вырасти. Я их беру-срезаю, а рядом новые вырастают! Так до утра и набрал полную корзину боровиков. И все чистые, без червоточки. Мухи-то, которые грибы портят, ночью спят, не летают. Утром, когда весёлое солнышко поднялось, птичек-чиричек разбудило, зайку-гуляку спать уложило, ночную росу подсушило, я домой засобирался. Чтобы грибов набрать – места надо знать да пораньше вставать. А кто рано встаёт, тому Бог удачу даёт. Поняла, внученька?

– Поняла, дедушка!

– Ну и золотко! Вот у нас поживёшь, с маслом хлеба пожужь, козьего молочка вдоволь попьёшь, сил-сноровки наберёшь – вместе в лес ходить будем!

– Ура! Я согласная!

Наталья Дёмина

г. Саратов

<http://www.stihi.ru/avtor/nvdemina>

<https://vk.com/n.v.demina>

<https://instagram.com/n.v.demina15>

<https://www.chitalnya.ru/users/demina/>

К портрету А. С. Пушкина

Быть не таким, как все, держа лицо,
Мучения души своей скрывая,
И делать вид, как будто всё равно,
Что зависть шепчет, смуту нагнетая.
Найти отдушину и «вывернуть» себя,
И обнажить свою «больную» душу,
Любви желая, сердцем возлюбя...
Но одиночество в глазах, лишь, обнаружу...
Быть Гением – награда или нет...
Познав своё Величие при жизни,
Любви хотелось искренней в ответ,
Без лжи, ужимок, фальши и корысти...
Хотелось всему миру доказать,
Что память дольше века может длиться...
Быть Гением, Единственным... и знать...
За всё придётся жизнью расплатиться...

Дары волхвов

В чём мудрость щедрого подарка...
Наполнить дом своим теплом,
И радостью, и чистым светом,
И верой, что в любви живём.
Преодолеть, пусть через силу,
Боль, горе, трудности и страх...
Волхвы подарки протянули,
Когда взошла Звезда для нас.
И золото, как символ власти
Его признание Царём.
А ладан – знак происхождения,
К Отцу Небесному... придём...
Дар третий – мирра для умерших,
Волхвы Христу пророчат смерть...
Он принесёт, конечно, в жертву...
Себя... Сумеет всё стерпеть...
И золото, как добродетель,
И ладан – создан для молитв,
А мирра – жертвенная помощь...
Стоишь ты голову склонив...
И мудрости нельзя учиться,
Она ведь в сердце у тебя,
Которое открыто Богу и людям
Больше, чем всегда.
А жертвенность, вдруг благодатью
В итоге станет для души.
Ведь если сильно сердцем любишь,
Отдашь всё сам, что ни проси...
И жизнь, и золото, и ладан,
И мирра будут ни к чему,
Что драгоценности... когда так
Самоотверженно люблю.
Волхвы подарки подарили,
Что в них, скорее расскажи...
Знак уважения, признание,
Но не было, увы, любви.
Любовь не просит, не гордится,
Не мыслит зла, но терпит всё,
Не возвышается, не ищет,
Преодолев всё... всё равно,
Всё покрывает, всему верит,
На всё надеется она,
И радуется только правде,
И милосердствует сама.
Любовь дарить свою не надо.

Она всегда живёт внутри,
И растекается повсюду,
И не закончится, не жди.
Так в чём же мудрость заключалась:
Чем больше жертва, тем сильнее...
Любовь... Великая, Святая,
Божественная... Только... верь...

Картина В. Перова «Тройка»

По улице зловещей, мрачной, тёмной
В суровую, холодную метель
Везут огромный чан с водой... на «Тройке»...
Усталых, измождённых... но... детей...
Вода, выплёскиваясь, быстро замерзает,
Сосульками свисая до земли.
А стужа зимняя, ехидно «улыбаясь»,
Ещё сильнее... заметёт следы...
И крайний слева мальчик оступись.
Тяжёлый труд лишил последних сил.
Рука висит безвольно, напряжение...
Он безысходность эту... заслужил?
В упряжке девочка... Глаза полузакрыты,
Холодный ветер треплет нежный стан.
Тяжёлые, огромные ботинки,
Как кандалы сковали: «Не отдам...
Не выпущу на волю, не надейся.
Невинность, хрупкость заберу себе...»
А ветер всё сильнее завывает
И пробирается под кожу и к тебе...
Центральная фигура поражает –
Он самый старший, сам ещё дитя,
Но, боль и холод, всё ж преодолевая,
Всю тяжесть страха принял на себя.
Играет роль, подбадривая взглядом,
И видом не покажет, что устал...
Весь устремлён вперед, к свободе, к шансу,
К тому, что Бог, возможно, им не дал...
Недетские глаза... Глаза страдальцев,
Но милосердие, как видно, не в чести...
Ведь, чтобы выжить, нужно отказаться
От чести, совести, достоинства, души.
С плеча чужого – вовсе не одежда,
А жизнь, что должен будешь ты прожить.
Вода холодная. Но только не напиток,
Её в вино Он должен превратить,
Но чан замерз, Пророка не дождавшись,
И души тянут лямку, но молчат...
А монастырская стена, как символ смерти...
Что за оградой? Скорби лишь обряд...
Молитвы, отпевание и холод,
Чистилище, дорога в ад или рай...
И кто-то подтолкнёт немного сзади,
Напомнив фразу: «Место своё знай».
Ни шубы, ни тулупы не согреют,

Когда любви и Бога нет в душе.
И тянешь свою лямку или терпишь,
Но сам не знаешь, что же ждёт в конце.
Совсем не весел пёс, бегущий рядом.
Он словно Ангел, терпит всё с тобой,
Оскалившись на холод, тьму и голод,
Сопровождая, защитит собой.
Но на него, увы, никто не смотрит,
Свет лишь на лицах, в дымке всё вокруг.
И сковывает страх не эфемерный,
А самый настоящий крик-испуг...
Такой, что птицы вверх стрелой взметнулись,
И небо оживилось, пусть на миг...
Снег серый, грязный, жёсткий под ногами,
Разбросан хворост... Болью всё «сквозит»...
Обледеневшая душа к теплу стремится,
Но только безысходность её ждёт,
Ведь если Веры нет, то нет Надежды...
Но Он себя сам в жертву принесёт...
Три Ангела на землю опустились.
Их, унижая, в «Тройку» запрягли...
Но ношу из грехов, смирясь, тянули
И не роптали, мучаясь, они...
А где-то впереди забрезжит утро
И тьма отступит, проиграв в борьбе.
Живой Источник наполняет Душу
Любовью... и подарит Жизнь тебе...

О чём Ромео и Джульетта

О чём «Ромео и Джульетта»...
О вечной, неземной любви,
О нарушителях запретов,
О страсти тела и души,
Об опрометчивых поступках,
О юности и красоте,
О том, что каждый жаждет счастья
И ищет путь свой на земле,
О дерзости, обмане, страхе,
О невозможности борьбы,
О безысходности, о Боге,
И о предательстве и лжи...
Любовь никто не осуждает,
Она всегда во всём права,
Забыв о чести, долге, Боге,
Эгоистична, даже зла.
Трусливы все её поступки
И оправданий всех не счесть.
Не ода о любви всё это...
Что сможешь между строк прочесть...
Читаешь фразы, восхищаясь,
Но так ли просто всё в словах...
Самоубийство – грех бесспорно,
Бесстыдство юности и крах...
Поступок ли уйти из жизни,
Боясь вести за жизнь борьбу...
Душа бесценна и бессмертна...
Ты, обречёшь её на тьму...
Без права на своё спасение,
Без воскрешения, Она
Так и останется во мраке...
Жизнь для чего тебе дана?
Любить, но действовать открыто,
А не страдать «исподтишка»,
И смерть не выход, не решение,
А трусость паники, всегда...
Держать удар, подставив щёку,
Или одним мгновением жить...
Ведь юность может быть наивна,
Но и порок, как воду пить.
Люблю, хочу и так желаю,
Что против всех готов пойти.
И главное – хочу, желаю,
Любовью, оправдав мечты...
Её никто не осуждает,

Она всегда во всём права...
О чём «Ромео и Джульетта»...
О том, что есть ещё... Душа...

Картина Сурикова «Боярыня Морозова»

Сидит «ворона» на снегу
И смерть собой отождествляет,
А разношёрстная толпа
Ещё, что проклята не знает.
Везут на «плаху» в кандалах
И от саней следы пугают,
Под тяжестью людских грехов
Две борозды, лишь, оставляют.
Как будто символ двух природ,
Художник показать желает,
Всё в жизни можно изменить,
Но истина одна... Все знают...
«Преклонь бо небеса сошёл
На землю, нашего... спасения»
Два естества Христова есть...
А три перста, как отчуждение.
И против солнца Крестный ход,
И трижды будет «Аллилуйя»,
И тексты все изменены...
Стать прокажённым не хочу я.
А справа крайний на снегу
Сидит в цепях, благословляя,
Босой, юродивый в мороз,
В отрепьях Бога прославляя.
Он знает Тайну Бытия...
Кто Он – Пророк или мошенник...
И рядом Чаша, но она...
Пуста... И всё же не для денег.
И в серо-голубых глазах
Не страх, не боль, а покаяние.
Он в жертву принесёт себя,
Даря любовь и сострадание.
Лестовки – чётки на руке
Ступени лестницы до Рая?
Духовно возродить себя,
Пока не поздно, я желаю.
Холодный воздух, словно тлен,
И синева... Она повсюду...
И грязный, вязкий, рыхлый снег...
Топтать свою я душу буду.
На ней следы не от саней,
А от сапог, бегущих рядом,
Идущих, плачущих и тех,
Кто встретиться боится взглядом.
Склонить ли голову свою,

Упасть с котомкой на колени,
Смеяться, плакать иль кричать...
Что нужно делать в самом деле...
Не Веру отнимают. Нет.
Шанс у Души на возрождение,
А сани дальше всё везут,
И Крест Господень, как знамение...
На заднем плане – купола,
Они безликие в тумане.
И в храм не тянется душа,
Она затоптана ногами.
Кто в жёлтом там стоит платке,
Как Матерь Божья, лик склонила,
А за спиной вся боль её,
Что душу страхом охватила.
Приверженность такая вере,
Бесстрашие... «в закат уйти»...
Горит лампада пред иконой,
А может просто фонари...
Коричневый оттенок неба,
Лиловые следы в снегу...
И чистоты уже не будет,
Да, и спасения не жду.
Рука боярыни взметнулась –
Знаменем благословя,
И призывая, понимая,
Что здесь безликая толпа.
Вот так же и Христос на плаху
Нёс крест проклятий и грехов...
А люди взгляд свой отводили,
Но Он простить их всё же смог.
Любовь, как два перста в знамени,
Адаму с Евой – жизнь даря...
Они склоняются пред Богом,
Он триедин для нас всегда.
И что там впереди, неважно.
Любовь повсюду и везде...
Когда последний путь всё ближе,
Познаешь истину, как все...

Картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели»

Не солнечный апрель, и не цветущий май,
А ранний март всего милее сердцу.
Без «праздничности», пафоса и лжи
Художник в храм души открыл нам дверцу.
Там время будто замерло давно,
Но всполох перемен за горизонтом...
И облака, как мантия любви
Мир накрывает счастье теплым «фронтом».
Не стройные березки, словно жизнь,
Коряво тянутся и ласки ожидают,
И милосердия от солнечных лучей,
Надежду в своём сердце не теряют.
«Вчерашний» снег не стоит нам жалеть,
Он силой влаги землю возрождает,
Даёт возможность боль перетерпеть
И выжить, жить, бороться, не сдаваясь.
Среди берез найдёшь ли вербу ты?
Она уже готова распуститься,
Как символ – наступления весны,
От спячки зимней сердце пробудится.
И тает, тает ноздреватый снег,
Но птицы черные уже на гнёзда сели.
И перемены в жизнь твою внесут,
Смерть победить зимы они сумели.
И колокольня старая, и храм,
Жизнь за забором словно дым клубится...
И человек живёт до тех лишь пор,
Пока он «Человеком» быть стремится.

Картина Репина «Бурлаки на Волге»

Сияющий и праздничный пейзаж.
Песок искрится счастьем под ногами,
И солнце отражается в реке,
Сливаясь торжеством своим с волнами.
Зеркальная поверхность, так хрупка,
Вода прозрачная, но золотом сверкает,
К ней тянется уставшая душа,
Что о спасении своём ещё мечтает,
И небо ясное, объятая распахнув,
Зовёт поднять глаза и любоваться...
Цвет нежно-бежевый и чисто-голубой...
Не можешь красотой не восхищаться...
И, словно нечто чуждое, – они...
Цепочка бурлаков – с «другого» мира...
И движутся из глубины холста,
Их путь – и есть сюжет – кричит картина.
Не видим мы откуда они шли.
Да, и куда идут, увы, не знаем.
Как будто тёмное позорное пятно
Среди пейзажа счастья созерцаем.
Пусть слишком праздничный и яркий мир вокруг,
А вот «пятно» ползёт на солнце дальше...
Но люди, измождённые, горды...
Нет в них обмана, лжи и даже фальши.
Открытый взгляд, уверенность в себе
И жалости к судьбе не вызывают.
Им тяжело, устали, но они
Не стонут, а работу выполняют.
Ведь силу дикую, огромную несут.

Их приручить, поверь, никто не сможет.
И взгляд «стеклянный» смотрит сквозь тебя,
Никто не ждёт, что кто-то им поможет.
И Русский Дух увидишь во плоти!
Не сломлены, не жалки, не убоги...
Народ великий, гордый, волевой
От безысходности «мир» тянет по «дороге».

Аравийское море

Полупрозрачная чарующая рябь,
Волн утренних неспешное шептание.
И розовый оттенок от песка
Особое несёт очарование.
Утёс отвесный в дымке синевы
Угрюмо и задумчиво вздыхает,
Как страж взгрустнёт немного на посту.
Он цитадель веками охраняет.
Детали ускользают в свете дня...
И солнце бликами сияет так нещадно.
А блеск повсюду, он слепит глаза...
Но морю бирюзовому отрадно...
Томление, прилив душевных сил...
И тёплый ветер ласково смеётся.
Он с вожделием целует гребни волн,
Песок лизнуть в блаженстве удаётся...
И, набегая, ластанутся они,
Встречаясь, признают свою потерю...
Песчинки страстью так распалены,
Что убежать, взметнувшись, захотели.
Как поразительна бывает красота...
Её не первый раз ты созерцаешь,
Но чудный дар любви тебя обжёт
И очевидное чудесным посчитаешь.
А солнце выше, жарче и теперь
Не скрыться от него и не укрыться...
Утёсу, ветру, морю и песку...
Нам всем придётся просто покориться.

Картина Крамского «Неизвестная»

Взирает Совесть на тебя
Надменно, с гордостью не путай.
Не отведёт свои глаза,
Тебя преследуя повсюду.
Она всё знает и молчит,
В душе сама всё прочитает...
Но неизвестно почему
Проехать мимо не желает.
С небес на землю упадёшь,
В грязи и перьях изваляясь,
С прищуром взгляд её поймёшь,
К ногам в почтении сгибаясь.
Что за спиной её... Театр...
Дворец... Изгнание из Рая...
Ты не знаком с ней, но она
Жизни не даст, раз правду знает...

У каждого писателя свой путь...

У каждого писателя свой путь,
Тернистый, через поле, лес и горы.
Терпение придётся захватить,
Ведь впереди высокие заборы.
Непредумышленно, наивно, от души
Делиться чувствами своими неумело...
Читатель жаждет зрелищ и, пойми,
До, смысла жизни, поисков нет дела.
Уступишь иль останешься собой...
Искусство – искушает, соблазняя...
Останешься ли чист своей душой,
Чтобы спасти другие, воскрешая...
Благоговение. Молитва. И Судьба.
Даруй возможность снова Свет увидеть
«Незрячим», подарив свои «глаза»...
Не дав им мир и жизнь возненавидеть.

Мой возраст

Ну, что сказать, мой старый друг...
Мне не шестнадцать, ты, ведь знаешь.
Не двадцать и не двадцать пять,
Да, и не тридцать, понимаешь...
Намного старше я тебя...
И пусть всё это только цифры,
Но отнимать и прибавлять
Не надо их, как все привыкли.
Что возраст... значит для тебя...
Уроки жизни, просто время...
Без возраста душа у нас
И в этом главная проблема.
Пусть с возрастом бегут года,
В душе мы всё равно все дети.
Какая разница тогда
Сколько живу на этом свете...

Григорий Дубровин

г. Вязники

<https://vk.com/id403492577>

<https://www.stihi.ru/avtor/uioproot>

Смысл (акrostих)

Я заставлял себя забыть
Тебя, и разум сердцу врал.
А по ночам хотелось выть,
Когда тебя в бреду я звал.

Себя как мог я отвлекал,
Кидался в суету как в бой.
Упрямо я душе кричал,
Что уж переболел тобой.

А в сердце вопреки жила,
Ютилась угольком любовь.
Порой невыносимо жгла,
Обманно притухала вновь.

Так и горит, как ни крути.
Её нельзя мне погасить –
Без этой искорки любви
Едва ли есть и смысл жить.

Напоённый...

Солнца закат предречёт грядущий восход.
Я вдруг вскочу и сорвусь – аж захватит дух!
Мыслей дурных разметает гнетущий ход,
Обострив до боли гончий ищейки нюх.

Я не помчусь к тебе, мой вкусный десерт,
Животных домашних твоих уважив посыл,
Пока не смогу сказать стихиям свободы – нет,
Пока гончий инстинкт беспокоящий не остыл.

Пока чую бунтарский, манящий дух
И буйство в душе теней вечных Инь и Янь –
Свой рваный стих я буду горланить вслух
И жадно глотать эфир, пьянящий в такую рань.

Лишь до краёв напоённый стихиями всласть,
Воем турбин самолётов и гулом стука колёс –
Мой ангел, я богом смогу к ногам твоим пасть,
Как смог бы лишь тосковавший вечность пёс.

Женское...

Меня он свёл с ума, я это знаю –
От звука голоса его я замираю.
Под ложечкой предательски сосёт
И слабость в ноги дрожью отдаёт.

Ему ко мне лишь стоит прикоснуться,
Как на пределе предвкушенья чувства
И восхитительный его ладоней жар
Меня бросает в наслажденья шквал.

И выгибает тело в сладкой неге,
Я вся его, он только мой на свете.
Он словно бог мой, я его раба
И каждой клеткой вожделения полна.

И в нежной пытке время бесконечно,
В блаженстве тело и душа быть хочет вечно.
И память вспышками мелькания салюта
Сбоит провалами на пиках абсолюта.

В томленьях сладостных покорно изнывая,
Нектар его я долгожданный принимаю,
Устами жадными пульсаций дар лоя
И из-под ног уходит вновь земля.

Всё-всё позволено ему когда он рядом,
Он может с рук поить смертельным ядом.
И он, я знаю, безнадежно бредит мною,
Ведь мы едины, вместе телом и душою.

Безумие любви нас держит властно
И это, точно, до смерти опасно.
И пусть в объятиях его я пропадаю,
Я этой власти, всё ж, неистово желаю...

Летучий голландец

В изменчивом, безбрежном океане,
Блуждает брошенный командою фрегат
И ни души на нём, болтается в штурвале,
Лишь ветер вольный, но свободе вряд ли рад.

Его бесцельна и бессмысленна дорога,
Судьбой на произвол стихиям сдан
И никогда до берега родного
Не доведёт уж верным курсом капитан.

Неумолимо время точит силы,
Что жизнь существованию дают.
Конец скитаниям положит дно пучины
Там обретёт покой он и приют.

Пока же, в перекрестье молний,
В разгар стихий на гребне волн паря,
Являет лик мистический и гордый,
Безумцев вольной участью пьяня.

Тех, что завидуют летучему голландцу,
Его свободе и безбрежности пути,
Не зная – нет желанней для скитальца
Свой недоступный берег обрести...

Слово ангела

Мой Ангел мне сказал: «– Прощай,
Тебя хранил я много лет,
Но бог простит, ты не серчай,
Сил у меня уж больше нет.

Тебя так щедро одарил
Творец сердечной теплотой,
Но никому ты не дарил
Её душой своей скупой...»

Он говорил ко мне спиной
И крыльев свет едва мерцал,
И голос хладный и чужой
Звенящей сталью отдавал.

«– Тебе так много доброты
Зачем отмерила судьба?
Что бескорыстно сделал ты,
Раздал хоть сколько ты добра?»

Он повернул ко мне лицо,
Мне так знакомое, в слезах
И скорбью веяло оно,
Немой укор застыл в глазах...

«– Твоей горел души огонь
И крыльев свет моих слепил!
Чьи души отогрелись в нём?
Чью боль принял и облегчил?

Ты за меня решил – Прощай,
Тебя хранил я много лет,
Но бог простит, ты не серчай,
Сил у меня уж больше нет.»

– Прости! Не уходи! Пстой! –
Ему сквозь слёзы прокричал...
Очнулся в комнате пустой,
А крик остатки сна уж гнал...

Ирина Ершова

г. Муром

Выбираю тебя

В жизни выпала мне непростая стезя,
Ничего изменить и исправить нельзя.
Пусть друзья говорят, что в душе твоей лёд
И по мутной воде белый айсберг плывёт –
Выбираю тебя.

Выбираю тебя, нет дороги назад.
Для одних – сладкий мёд, для других – горький яд.
Выбираю тебя. Кто любил, тот поймёт:
Может быть сладким яд, может быть горьким мёд.
Выбираю тебя.

Пусть родные твердят: ты – опасней огня,
И проверить стократ убеждают меня:
Продаётся любовь и за цент, и за грош,
Нет на свете её, лишь коварная ложь.
Выбираю тебя.

В час, когда мы одни, нет ни льда, ни огня,
И тепло губ твоих мои губы хранят.
И сплетение рук, и волос нежный шёлк.
Мир светлее вокруг, нам вдвоём хорошо.
Выбираю тебя.

Мой любимый как наважденье

Мой любимый как наважденье:
Всюду вижу его улыбку.
Майский вечер пропах сиренью,
Где-то горько рыдала скрипка.

Шторы тихо качнуло ветром,
Я окно распахнула в зале.
И, размыв очертанья предметов,
Тихо сумерки в дом вползали.

Телевизор вещал о стилях
И в политике, и в одежде.
Почему же молчит мобильник?
Я смотрю на него в надежде:

Вот сейчас... За одно мгновенье
Что-то можно ещё исправить.
А сегодня мой день рожденья.
И любимый бы мог поздравить....

Всемогуща любовь, всеильна,
Наша ссора была ошибкой...
Но упрямо молчит мобильник,
И грустит одиноко скрипка.

В дверь звонят. Что могло случиться?
Сердце камнем – куда-то в пятки...
Взгляд знакомый, улыбка, ресницы...
Ты приехал – и всё в порядке.

Новогодняя сказка

Стрелки настенных часов перешагнули семичасовой рубеж. На экране телевизора ведущие информационной программы бодро перечисляли события последнего дня уходящего года. В углу большой комнаты, у балконной двери, таинственно мерцала огоньками высокая красавица-ёлка. В центре же торжественно возвышался накрытый узорчатой скатертью стол, готовый принять на себя всю тяжесть праздничных яств и напитков.

В кресле под часами, размазывая по лицу косметику, горько рыдала Снегурочка. На спинке другого кресла бесформенным комом валялся костюм Деда Мороза, а на диване, свернувшись калачиком, сладко похрапывал мужчина в дедморозовской шапке.

Иногда дверь комнаты приоткрывалась, выпуская облако аппетитнейших запахов, и на пороге появлялся ещё один мужчина. Ему бы подошёл костюм Ильи Муромца: детинушка удался и ростом, и статью, да и возраст подходящий, около тридцати пяти. Сам рус, и холёная бородка тоже русая... Но на мощной фигуре красовалась не кольчуга, а старый спортивный костюм, в руках богатырь держал не меч, а обычную поварёшку.

– С-спит?

Женщина безнадежно хлюпнула носом.

– Три вызова ещё, а он... Макс, Макс, проснись! Баранкин, ну будь же человеком! Говорил, подремлю полчаса, и как огурчик... Костя, что мне с ним делать?

Наконец она не выдержала, подбежала к дивану, ткнула кулачком в спину спящего. Тот недовольно пошевелился, что-то пробормотал, но не проснулся.

– Чтоб ещё раз согласилась работать с этим алкашом... Пусть Анька сама с ним возится! А то себе в напарники Михалыча взяла, язвенника... Супругам, мол, невыгодно вместе работать... Костя, что ты стоишь? Помогай!

Общими усилиями лежавшего поставили на ноги. Он заморгал глазами, как сова при солнечном свете, и, еле ворочая языком, прохрипел:

– Лен, не шуми... Сейчас идём... Вот полежу немножко...

И снова повалился на диван. Снегурочка обречённо махнула рукой:

– Одна пойду. Хорошо – рядом. Два вызова в соседний дом и ещё один в пятиэтажку у магазина...

– Я п-провожу, т-только переоденусь!

– Сиди уж дома! Как его одного оставишь? Я умоюсь, а ты Аньке позвони, пусть забирает сокровище...

Пока в ванной комнате заплаканная Снегурочка вновь превращалась в красавицу из сказочного леса, птичья трель дверного звонка рассыпалась по всей квартире. Вскоре из прихожей послышались радостные мужские голоса:

– Б-братишка? К-какими судьбами?!

– Не ждали? А я – вот он! Решил посмотреть, как на новом месте устроились.

– Н-новое, скажешь т-тоже! Третий год живём. Это т-тебя по всему с-свету носит.

– Работа, брат, такая, да и далековато было... Зато теперь чаще будем видеться, меня в Подмоскovie переводят.

Тут Снегурочка не утерпела, побросала краски-замазки, выпорхнула в прихожую и повисла на шее у вновь прибывшего.

– Андрюшка! Андрюшка! Откуда, бродяга? Родителям сюрприз будет, вот-вот подъехать должны. Раздевайся и рассказывай скорей, что да как. А то мне уходить надо.

Вновь прибывший был худощав, чисто выбрит и коротко стрижен. Светло-рус, как и брат, хорош собою. Держался он непринуждённо, а гражданская одежда не скрывала военной

выправки. В голове у Снегурочки вдруг забурлили мысли: «Свекровь рассказывала, он занимался в театральной студии при ДК...»

Чмокнув деверя в щёку, женщина метнулась в комнату и скоро вернулась с балахоном Деда Мороза.

– Андрюша, выручай! Ещё три заявки, а дедок уже напоздравлялся. От Кости, сам понимаешь, толку чуть: не красноречив, да и костюмчик не того размера... А у тебя получится, я знаю!

– Дела, – озадачился мужчина, – но сперва чаем-то напоите?

Наряд у дедушки Мороза был коротковат. Но девочка Женя, как и мальчик Саша, не заметили этого: дедушка заразительно смеялся и шутил, показывал классные фокусы, потом достал из мешка та-ки-е подарки... А Снегурочка оказалась красивее, чем в рекламе низкокалорийного майонеза и замечательно пела про ёлочку.

Но третий ребёнок, пятилетний Сева, узнал в Снегурочке маму Оленьки Васильевой, своей подружки по детсаду.

– Я так и знал... Говорил маме, что Дед Мороза не бывает, а она – подожди да подожди. Вот придёт и исполнит твоё самое заветное желание. Ха...

Лена давно знала семью этого мальчика. Жил он с мамой и бабушкой и ходил в одну группу с её Оленькой. И даже напоминал женщине весёлую непоседу-дочь. Но только внешне. В мальчике удивительным образом сочетались детская непосредственность и глубокие, не свойственные нежному возрасту знания. Читал он с трёх лет, запросто «бродил» по Интернету, играл в шахматы, сочинял музыку... Иногда со светлой грустью Лена думала, лет через сто такие дети будут среднестатичны, но пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.